ALEXANDRE II LIBÉRATEUR par PIERRE ALISSOFF

Prix: 1 fr.

АЛЕКСАНДРЪ II ОСВОБОДИТЕЛЬ

(Переведено на французскій и итальянскій языки).

Распятіе и пытки стали удѣломъ всѣхъ мужественныхъ и честныхъ людей въ Россіи. Въ полномъ разгарѣ XIX вѣка, на глазахъ у всей Европы, русское правительство свершаетъ тѣ звѣрства, передъ которыми становится опіамомъ злодѣйства баши-бузуковъ, гекатомбы дагомейскаго короля. Испанская инквизиція во время Торквемады одна только даетъ приблизительное понятіе о томъ, что у насъ свершается всюду.

Я обращаюсь къ суду цивилизованной Европы; если въ ней на вѣки не умерли чувства чести, справедливости, гуманности, состраданія къ ближнему, она отзовется!

Вся Европа, не исключая Германіи, съ ужасомъ и отвращеніемъ отнеслась къ палачеству русскаго правительства; въ одинъ голосъ она произнесла, во время войны за освобожденіе славянъ: „Рабъ, сбей съ ногъ своихъ кандалы — и тогда освобождай націи....“ Она предчувствовала дикую развязку и презрительно улыбнулась надъ нашими лакейскими грезами, о дарованьяхъ свыше послѣ войны....

За нашу кровь и великія жертвы намъ даровали черный столбъ съ веревкою и новыя центральныя тюрьмы; надъ нашими трупами на войнѣ надѣвались турецкіе баши-бузуки; послѣ войны, лучшую нашу молодежь выбросили въ живодерню, и съ цѣпей спустили на нихъ живыхъ, полныхъ огня и силы, нашихъ родимыхъ баши-бузуковъ!!... Еще одна такая побѣда, еще одно освобожденіе и мы сольемся вполнѣ съ азіатскими паріями и раздѣлимъ ихъ свѣтлое будущее.

Въ англійскомъ парламентѣ энергическіе люди четыре раза требовали вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи, требовали протеста и изобличали, на позоръ всему міру, русское правительство въ его чудовищныхъ звѣрствахъ....

Пусть клерикалы и разныхъ шерстей роялисты, смотрящіе на Россію, какъ на землю обѣтованную, прочтутъ внимательно мою статью.....

L'histoire est un bagne aujourd'hui.
В. Гюго.

.....Надгробное рыданіе
По людямъ убіеннымъ за родину,
За любовь къ волѣ человѣческой.
Н. Огаревъ.

Николай I, всходя на престолъ, тотчасъ же употребилъ всѣ зависящія отъ него средства — сдѣлаться „незабвеннымъ." Онъ повѣсилъ пять декабристовъ, остальныхъ сослалъ въ Сибирь, но на каторгѣ онъ не тиранилъ своихъ беззащитныхъ жертвъ. Генералъ-губернаторъ Сибири Муравьевъ Амурскій, давшій имъ возможную свободу, боялся отвѣтственности передъ Николаемъ, и, къ великому своему удивленію, не получилъ даже выговора, а услыхалъ слѣдующія, удивительныя слова: „Я для примѣра долженъ былъ къ нимъ отнестись строго, но я не хочу ихъ карать теперь: они и такъ наказаны!"

Николай сослалъ (навѣрное тоже для примѣра) на десятилѣтнюю каторгу кружокъ Петрашевскаго за проникновеніе идеями Фурье, Кабе и за прочтеніе вслухъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю.

Николай носилъ на могучихъ плечахъ незабвеннѣйшую, мѣдную голову; мѣдь, изъ которой отлита была его голова, годилась бы по звонкости, упругости звука и прочимъ качествамъ не для трона, но для лучшаго колокола, лучшей церкви первопрестольной столицы нашей Москвы. Онъ вѣровалъ очень искренно, что самодержавіе подъ ручку съ православіемъ, окруженныя дремучими лѣсами розогъ, могутъ спасти наше дорогое отечество. Онъ гналъ сквозь строй всю Россію, не прерывая этого филантропическаго занятія даже ночью. Путь самодержавнаго прогресса былъ усѣянъ отрепанными пучками розогъ, былъ вспрыснутъ кровью отечественныхъ задовъ. Никогда неразсуждающій солдатъ, онъ стремился сдѣлать 80-милліонное царство неразсуждающимъ солдатомъ. Идеалъ Николая былъ такой же мѣдный и выполированный, какъ его голова. Раскруглый невѣжда, не прочитавшій во всю жизнь ни одной книжки, онъ съ остервенѣніемъ

гналъ литературу; литература и декабристы были для него синонимами. Цѣлый день онъ носился на борзомъ конѣ, и его уста гремѣли: „Благодарю, ребята!“ „молодцы!“ „хорошо!“ Или же изъ царственныхъ устъ, какъ изъ жерла Везувія, вырывались шипѣнія, клокотанія, сѣрные пары и дымъ; за ними, немедленно, слѣдовали разрушительныя сотрясенія: у виновныхъ очень тщательно отдирали мясо отъ костей; они прогуливались между тысячами солдатъ, вооруженныхъ прутьями.

Севастопольская война обрушилась грозою на главу нашего мѣднаго всадника; въ нѣсколько лѣтъ идеалъ, не смотря на его металлическія свойства, разлетѣлся безъ остатковъ; самодержавіе и православіе узрѣли себя заплеванными. Не удалось спасти отечества острогами, крѣпостями, рабствомъ, кнутами, III отдѣленіемъ, цензурами, закрытіями университетовъ. Царское „быть по сему“ не привело ровно ни къ чему...

Мѣдный всадникъ проигралъ всѣ ставки и очень вѣжливо попросилъ своего домашняго врача угостить его ядомъ... неоцѣненный домашній врачъ угостилъ, и мѣдная голова покоится въ металлическомъ саркофагѣ, въ назиданіе своему потомству.

Суровый приговоръ изрекла надъ опочившимъ мѣднымъ всадникомъ очнувшаяся отъ безконечныхъ порокъ Россія. Отовсюду зашумѣли голоса: „Брандмейстеръ!“ „Висѣльникъ!“ „Экзекуторъ!“ „Царственный чурбанъ!“ И много, очень много еще болѣе лестныхъ, игривыхъ и совершенно нецензурныхъ кличекъ и выраженій. Зашумѣвшіе вѣрноподданные ясно показали, что нельзя очень пристраститься къ вѣчному лежанію на скамьѣ, подъ розгами...

Не по кровавымъ ступенямъ, но по роскошнымъ, бархатнымъ коврамъ взошелъ на опозоренный тронъ Александръ II — освободитель. Насколько глазныя железы Николая были дѣвственно упруги и свѣжи, настолько глазныя железы сына оказались рыхлы и расположены къ катарральнымъ истеченіямъ. Это удивительное въ домѣ Романовыхъ устройство железокъ предрекало славное сантиментальное царствованіе. Новый монархъ, еще до трона, чувствовалъ позывъ къ вину, клубничкѣ и реформамъ, съ тою разницею, что реформы онъ любилъ умѣренныя, пьянство и питаніе клубничкою—необузданныя. Новый царь зашалилъ реформами. Царь и правительство—что очень рѣдко случается—занялись ариѳметическими выкладками: „гораздо лучше—разсуждали они — освободить крестьянъ, оставивъ ихъ голыми-нищими, сбывъ имъ по дорогой цѣнѣ негодную землю, чѣмъ дожидать той благословенной минуты, когда они съ дрекольями и ножами въ рукахъ перебьютъ и перерѣжутъ всю опору государственную, лучшихъ хранителей трона. Гораздо пріятнѣе, и на видъ благообразнѣе грабить Россію, съ широкимъ участіемъ безсловеснаго земства, чѣмъ съ помощью чиновниковъ, которые черезъ чуръ не забываютъ себя, и тѣмъ конкуррируютъ государственной благой опекѣ. Что же касается до суда надъ несчастнымъ Трифономъ или Степаномъ, то не все ли равно, кто засудитъ

ихъ, полиція или гласный судъ! Мы ровно ничего не проигрываемъ, но огромно выигрываемъ передъ державами и нашими несравненными вѣрноподданными. Но совсѣмъ другое, когда дѣло дойдетъ до обузданія нашего самодержавія, до отвѣтственности министровъ, таинственныхъ нашихъ владѣній въ III отдѣленіи — тутъ все пойдетъ по старому: съ политическими преступниками мы расправимся по своему; дѣло идетъ не о Россіи, а о нашемъ спокойствіи!... Мы закуемъ мысль въ стальныя цѣпи, запрячемъ ее подъ семь кованныхъ замковъ."

Полилось шампанское, полились слезы, полились и реформы!!...

Заликовали столбы государственные, узрѣвъ неизрѣченную глупость вѣрноподданныхъ. Отборные пискари и негодныя плотицы, тучами, виляя хвостиками, понеслись на царскую удочку... понеслись они даже не на червячка, а на хлѣбныя крошечки!... Заликовали подданные отъ всерадостной мысли, что имъ позволили быть громадно глупыми... Сказочное время переживала моя святая родина: изъ Лондона (о, золотое время вѣры и довѣрія!) отправились письма къ императору и императрицѣ; идиллiею дышали письма, въ нихъ говорилось о широкихъ реформахъ, о великомъ царскомъ предназначеніи. Государь прочелъ письмо и омочилъ его катарральною слезинкою. Если сердца грозныхъ агитаторовъ на время смягчились, то до какого размягченія дошли сердца патріотическія,—ни разсказать, ни перомъ ни описать!... Дорогая Русь!! Неисчерпаемыя залежи безкорыстнаго, безупречнаго холопства таятся въ нѣдрахъ твоихъ, ничто передъ ними твои желѣзные рудники, серебро и золото, даже крохами кажутся массы зерноваго хлѣба, выпускаемыя тобою въ далекіе края!... Но отрезвѣли ли послѣ патріотическаго угара отечественныя мирныя стада?... Послѣ кабачныхъ пиршествъ заскребли ли у нихъ кошки на сердцѣ?... Поняли ли малолѣтніе патріоты, что безжалостно-нагло дурачили ихъ реформишками, что и не снилось никому обновлять націю? Все велось и свелось на гумозные пластыри, клистиры съ мыломъ и деревяннымъ масломъ и кровочистительное... Закипѣло ли въ ихъ душахъ неукротимое негодованіе, когда злодѣйства начали смѣняться злодѣйствами, идя креселендо!?... Нѣтъ! патріотическое большинство до настоящей минуты валяется, угорѣлое, въ ногахъ императорскихъ; рабы ползаютъ, съ чадомъ въ головѣ, по полу и бормочутъ безсмысленныя слова: „мягкая, гуманная личность," „все несчастіе въ слабохарактерности," „онъ сбиваемъ съ толку придворными," „его запугиваютъ," „его нервы въ конецъ разстроены!" Эти фразы—не выдумка, ихъ слышалъ сотни разъ каждый. Разберемъ эти летучія характеристики: „мягкая личность." И не смотря на это, она подмахиваетъ сотни злодѣйскихъ приговоровъ!... Я не помню ни одного случая, гдѣ бы эта царствующая мегера смягчила приговоръ. Если было возможно, онъ усиливалъ приговоръ; въ послѣднихъ политическихъ процессахъ онъ воспользовался святымъ правомъ миловать и перемѣнялъ разстрѣливаніе

на висѣлицу... „Все несчастіе въ слабохарактерности.“ Когда дѣло идетъ о широкихъ реформахъ,—онъ нерѣшителенъ; когда дѣло зайдетъ о ворующихъ и куралесящихъ министрахъ, Муравьевыхъ, Апраксиныхъ, Дренякиныхъ, засѣкающихъ политическихъ преступниковъ Треповыхъ, Митрофаніи, Струсбергахъ, Шумахерахъ,—онъ слабохарактеренъ; но когда дѣло коснется Каракозова, Нечаева, тайной пропаганды—онъ черезъ чуръ характеренъ!!... „Онъ сбиваемъ съ толку придворными.“ Если такъ, то зачѣмъ эта пѣшка, этотъ пигмей называется самодержцемъ? Зачѣмъ пассивному, рыхлому ничтожеству — царю-тряпкѣ выдаютъ 30 милліоновъ ежегоднаго содержанія!? „Его запугиваютъ, у него нервы въ конецъ разстроены.“ Въ такомъ случаѣ на что нуженъ Россіи ребенокъ, боящійся страшныхъ сказокъ, кричащій отъ нихъ во снѣ? Русскій тронъ не лазаретная постель. Сдайте въ богадѣльню выжившаго изъ ума стараго, запуганнаго, неизлечимо больнаго ребенка. Самодержавные, разстроенные нервы разстроили въ конецъ всю Россію, разстроили въ конецъ здоровье тысячъ молодыхъ людей!!..

Поверхностный, чуть прикасающійся къ предмету обзоръ покажетъ господамъ-патріотамъ, что Александръ II и перемежающееся правительство —одурѣвшіе злодѣи, которыхъ не оправдываетъ ни время, ни окружающая ихъ жизнь, и которыхъ, можетъ быть, впослѣдствіи оправдаетъ психіатрія. Александръ II отличается тѣмъ старушечьимъ, мелкимъ, черствымъ звѣрствомъ, передъ которымъ блѣднѣютъ размашистыя звѣрства Николая. Александръ II—достойная копія съ достойнаго своего наставника, Якова Ростовцева. Ростовцевъ запаривалъ до смерти несчастныхъ кадетъ, и въ то время, когда ручьи крови лились изъ жертвы и раздавались хриплые, затихающіе стоны, онъ горько плакалъ и говорилъ: „Мнѣ жаль тебя, но я исполняю долгъ мой.“ Николаевскія злодѣйства не замаскировывались такъ тщательно, не закутывались игрою въ судъ, не заговаривались адвокатами, не замазывались отводящими глаза подачками, смертельный ядъ не подслащивался! Во времена Николая слѣпой произволъ душилъ и не кривлялся передъ жертвою. Въ царствованіе Александра слѣпой произволъ, запустивъ раскаленныя до бѣла щипцы во внутренность жертвы, рветъ и жжетъ все внутри и, благоговѣйно улыбаясь, сладко лепечетъ о печальной необходимости. Только сотая часть злодѣйствъ свершается откровенно, напрямикъ,—все остальное мерзко, до безумія жестоко—во мракѣ. Молодежь не такъ часто, какъ многіе думаютъ, умираетъ по тюрьмамъ; но за мѣсяцъ, за недѣлю до смерти несчастнаго юношу выпускаютъ умирать на свой счетъ; за часъ до смерти ему даютъ полюбоваться солнышкомъ, свободой; за часъ до смерти его легкія впиваютъ свѣжій воздухъ. Молодежь додерживаютъ по щелямъ остроговъ до яркихъ признаковъ идіотизма или сумасшествія и, во избѣжаніе скандала, выпускаютъ съ ума сходить на свободѣ, въ своей семьѣ. Людей ни въ чемъ неповинныхъ, но смѣющихъ быть знакомыми съ опасными людьми, сдаютъ подъ присмотръ полиціи,

подвергают административным высылкам; подвергнувшіеся этой невинной процедурѣ, обречены на тихое угасаніе въ пустынныхъ дебряхъ, безъ книгъ, средствъ, людей, съ строгимъ запрещеніемъ добывать себѣ средства къ жизни; если административная жертва—докторъ, онъ не имѣетъ права лечить; учитель не имѣетъ права давать уроковъ. Но если онъ самъ не имѣетъ ровно никакихъ правъ, то за то всѣ, до послѣдняго будочника, имѣютъ надъ нимъ права безъ границъ. Въ медленной, нестерпимо мучительной агоніи погибаетъ молодая, полная огня и силы жизнь; но этотъ родъ гибели—сравнительное блаженство, это удѣлъ слегка заподозрѣнныхъ, ни въ чемъ не уличенныхъ личностей.

Я не стану разсказывать о поразившихъ Европу чумныхъ опустошеніяхъ, произведенныхъ во время польскаго возстанія; на бѣдную страну была напущена сѣдая гіена; четверть націи была переселена въ Сибирь и захолустья. Во время разгара вѣшанія Муравьевъ получилъ отъ Александра только одно знаменательное слово: „свирѣпствуйте....“ (sévissez). Я не стану говорить о заѣданіи цѣлыхъ племенъ на Кавказѣ, нѣтъ! я приблизительно подведу итогъ роднымъ намъ по плоти и крови жертвамъ. Польскую висѣлицу силились оправдать необходимостью, — домашнія злодѣянія оправдать нечѣмъ. Нашъ царь и правительство не люди, но вороны, питающіеся падлою..

Въ 1861 году Бездинскія злодѣйства. — Крестьяне, послѣ удивительнаго освобожденія, ясно почувствовали, что имъ дарована завидная свобода умирать съ голода и холода на отведенныхъ имъ, по очень дорогой цѣнѣ, пескахъ и мѣлѣ. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ мѣлъ и песокъ оказались очень безукоризненными, крестьяне начали волноваться; во время подобныхъ волненій являются обыкновенно вдохновенныя великія личности, воплощающія въ себѣ завѣтныя мечты и желанія народа и способныя геройски умереть за народъ. Океанъ во время своихъ страшныхъ бурь часто, говорятъ, выбрасываетъ драгоцѣнныя жемчужины. Въ Казанской губерніи. Спасскаго уѣзда, селѣ Бездиѣ, крестьянинъ Антонъ Петровъ утверждалъ, что обнародованный манифестъ фальшивый; говорилъ, что земля принадлежитъ крестьянину, что пришелъ желанный конецъ страшнымъ податямъ и рабству. Только что извѣстіе объ этихъ воззрѣніяхъ дошло до Казани, предержащая власть напустила на село Бездну убійцу—графа Апраксина съ ротой днѣпровскаго полка. Апраксинъ принадлежалъ къ тѣмъ незатѣйливымъ людямъ, которые подъ словомъ усмиреніе подразумѣваютъ выворачиваніе внутренностей и сдираніе кожи; ихъ краснорѣчіе и правосудіе—штыки и пули. Апраксинъ, прибывъ въ Бездну, потребовалъ у собравшагося народа выдачи Антона Петрова; народъ отказался выдать своего заступника, говоря: „онъ добрый, тихій человѣкъ и стоитъ за правду.“ Апраксинъ рѣшилъ стрѣлять по народу.— Черезъ часъ все было кончено. Искалѣченные крестьяне валялись съ глухими стонами на площади. Во время разгара убійствъ, чтобы прекратить ихъ, Антонъ Петровъ самъ

отдался въ руки извергов. 120 человѣкъ были убиты на поваль, 72 человѣка умерло въ страшныхъ мукахъ отъ ранъ до прибытія врача; многіе изъ бѣжавшихъ отъ пуль утонули, провалившись на льду. Врачъ пріѣхалъ черезъ 3 дня, но подать помощи не могъ: онъ забылъ хирургическіе инструменты, они прибыли черезъ двѣ недѣли... Полевой военный судъ приговорилъ Антона Петрова, за его мечту о свободѣ, за его свѣтлый взглядъ на царя, котораго онъ не считалъ способнымъ издавать обнародованный имъ манифестъ, къ разстрѣлянію; 12 пуль такъ были дурно направлены, что не могли убить истощеннаго, отъ природы слабаго, человѣка; пуля въ упоръ покончила адскія муки. Александру по душѣ пришлась апраксинская расправа, онъ началъ входить во вкусъ: l'appetit vient en mangeant.

Въ томъ же году генералъ Дренякинъ въ Пензенской губерніи, усмиряя ничѣмъ не обнаруженное, но глубоко подозрѣваемое имъ волненіе, убилъ 9 человѣкъ, 28 тяжело ранилъ, 30 прогналъ сквозь строй и 22 человѣка сослалъ на поселеніе.

Въ 1875 г. въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, 200 семействъ, послѣ ужасающихъ кровавыхъ порокъ, были закованы въ кандалы и сосланы на поселеніе въ Сибирь. Все преступленіе крестьянъ заключалось въ томъ, что они не хотѣли брать въ надѣлъ по огромной цѣнѣ великолѣпныя песочныя розсыпи, не хотѣли, не смотря на штыки, признать чудный песокъ чуднымъ черноземомъ.

Не даромъ Александръ сказалъ московскому дворянству: „пусть лучше реформы идутъ сверху, чѣмъ снизу.“ Онъ правъ и способенъ въ рѣдкихъ случаяхъ быть даже логичнымъ (самосохраненіе—вещь великая!), для него и правительства лучше пули и штыки сверху, чѣмъ ножи и дреколья снизу. Что же дѣлать, если интересы воюющихъ сторонъ такъ фатально расходятся!

Въ 1861 году аресты и бойни студентовъ. — За невинный протестъ студентовъ петербургскаго университета противъ новыхъ стѣснительныхъ правилъ университетъ былъ закрытъ; сотня молодыхъ людей была засажена въ Петропавловскую крѣпость, около двухъ сотъ были перевезены въ Кронштадтскую. Московскіе студенты, возмущенные этими арестами и новыми правилами, послали депутатовъ къ своему попечителю, просить принять адрессъ къ государю; попечитель не принялъ; они силою вошли въ профессорскую залу къ попечителю и заявили свои требованія. Ночью начались аресты. На слѣдующій день большая толпа студентовъ, узнавшая объ арестахъ, рѣшилась идти съ жалобой къ генералъ-губернатору; 200 человѣкъ пошли по Тверской улицѣ, но на площади, противъ дома генералъ-губернатора, произошло кровавое избіеніе: изъ засады на студентовъ бросились верхами жандармы, они хватали всѣхъ безъ различія, били, разбивали лица, волочили несчастныхъ по землѣ; одного студента удавили шарфомъ, другого ударили тесакомъ по головѣ, онъ упалъ замертво и былъ раздавленъ наѣхавшимъ жандармомъ. Пока шла ловля, плѣнныхъ

загнали на большой дворъ Тверской части и, не смотря на морозъ, съ нихъ стащили шинели; они стыли голодные, рискуя жизнью, съ 11-ти часовъ утра до перваго часа ночи. На дворѣ произошли сцены такого звѣрѣнаго характера, что перестаешь довѣрять неотразимымъ документамъ, сохранившимся по этому дѣлу: жандармъ ударилъ больнаго и чрезвычайно слабаго студента въ лицо, разбилъ очки и стекла вошли въ глаза несчастнаго; тесаками измяли грудь другому студенту и полумертваго бросили на дворъ Тверской части, онъ умеръ вскорѣ въ клиникѣ съ восемью другими избитыми и искалѣченными. Монарху-реформатору эти сцены показались недостаточно энергичными: гуманность и либерализмъ были недостаточно размашисты! Онъ приговорилъ десятки къ ссылкѣ въ отдаленныя губерніи, десятки — къ исключенію изъ университета, десятки отдалъ на забаву кроткой жандармеріи и стыдливо мягкой полиціи. Наблюдательный человѣкъ могъ уже предвидѣть, что изъ этихъ сѣверныхъ, густо уродившихся цвѣточковъ, впослѣдствіи разовьются роскошные пунцовые плоды, въ родѣ избіенія на казанской площади въ Петербургѣ въ 1876 году.

Въ 1863 г. въ Казани за распространеніе воззваній и ложнаго манифеста были сначала выморены въ острогѣ, а потомъ разстрѣляны въ Подлужной слободѣ на площади: Иваницкій, Мрочекъ, Станкевичъ и французъ Киневичъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ на той же площади разстрѣлянъ пойманный въ Польшѣ по тому же дѣлу, Черникъ. Приговорены къ 15-ти лѣтней каторгѣ: Олехновецъ, Маевскій, Госцевичъ и Иванъ Орловъ; десятилѣтней каторгѣ—поручикъ Михайловъ, послѣ мучительнаго двухлѣтняго заключенія; 4-хъ лѣтней каторгѣ—Элпидинъ, Булгаковъ и проч...

Въ 1865 г. сосланъ въ Сибирь на вѣчное поселеніе Серно-Соловьевичъ за сношеніе съ лондонскими изгнанниками и за пріютъ, данный Кельсіеву, во время его тайнаго пріѣзда въ Петербургъ. Дорогой въ Сибирь онъ заболѣлъ, но продолжалъ путь, часто падая отъ страшнаго изнеможенія; во время одного изъ паденій черезъ него переѣхала тройка, везшая ссыльныхъ. Онъ былъ свезенъ въ Иркутскую больницу и тамъ вскорѣ умеръ... Великій счастливецъ!!...

Въ 1866 году рядовой Невѣдомскій, за оскорбительныя слова противъ кроткаго и милостиваго монарха, приговоренъ къ семилѣтней каторгѣ.

Въ 1866 г. Мосоловъ, Шатиловъ, Лебядинскій сосланы въ Сибирь на поселеніе за распространеніе никому невѣдомыхъ воззваній.

Въ 1866 г., 4 апрѣля карманный воришка изъ костромскихъ лѣсовъ помѣшалъ попасть въ царя. По дѣлу Каракозова во всѣхъ углахъ Россіи и въ столицахъ было привлечено къ допросу не менѣе 5 тысячъ человѣкъ; полиція и жандармы носились какъ бичи божьи по столицамъ, врывались по ночамъ въ квартиры заподозрѣнныхъ, ломали полы, сдирали обои, потрошили мебель, остукивали съ спиритическимъ энтузіазмомъ потолки, стѣны и такъ тщательно осматривали до гола раздѣтыхъ заподозрѣнныхъ, что

имъ могли бы позавидовать лучшіе доктора (изслѣдованіе заднепроходной кишки они довели до послѣднихъ предѣловъ научнаго совершенства). Квартиры, по уходѣ полиціи, представляли тоже, что болгарская деревня послѣ баши-бузуковъ. Крѣпости, полиціи, тюрьмы были переполнены не только въ столицахъ, но и въ провинціяхъ. Очумѣлый, пьяный отъ польской крови Муравьевъ былъ назначенъ председателемъ живодерни. Осужденные подвергались безпощаднымъ униженіямъ, побоямъ; ихъ тиранили, моря голодомъ по гнилымъ подваламъ и ямамъ; ихъ не кормили, но ими откармливали милліарды клоповъ, вшей и блохъ; ихъ запутывали, сбивали на допросѣ, разыскивая и связывая фантастическія нити фантастическаго дѣла; разыскивали корни чуть не въ Пугачевскомъ бунтѣ; доведеннымъ до полнаго отчаянія подсудимымъ грозили висѣлицами, вѣчною Сибирью. Сотни вышли съ неизлечимыми недугами, сотни съ зачатками сумасшествія. Какую мрачную жизнь ужаса и безконечнаго страданія пережили матери, отцы, сестры и братья заключенныхъ! Этому въ тиши пережитому страданію не суждено никогда вполнѣ обнаружиться; только глубоко страдавшій и глубокомыслящій человѣкъ можетъ подняться воображеніемъ до отдаленнаго пониманія этого страданія... Слезы, проклятія затаились, ушли внутрь жизни, но въ живой природѣ, какъ и въ мертвой, ничего не пропадаетъ безслѣдно!!..

Къ вѣчной каторгѣ приговоренъ Ишутинъ, къ 20-лѣтней — Ермоловъ, Страндецъ, Юрасовъ; 8-лѣтней каторгѣ—Николаевъ, 6-лѣтней—Загибаловъ, Шагановъ, Мотковъ; вѣчному поселенію въ Сибири — Худяковъ, Малининъ, Ликинъ, Александръ Ивановъ, Федосѣевъ, Марксъ, Маевскій, Шестаковъ, Лаунгаузъ и проч. Каракозовъ, пожираемый неизлечимыми болѣзнями еще до выстрѣла, былъ подвергнутъ пыткамъ: умирающаго человѣка драли розгами, били; закованному съ ногъ до головы въ цѣпи плевали въ лицо, и когда, затерзанный до послѣднихъ предѣловъ, онъ, чтобы какъ можно скорѣе покончить съ собою, отказался отъ пищи, его питали клистирами; въ немъ искусственно поддерживали жизнь, чтобы страшнѣе истерзать, надѣясь выпытать обвиненія, признанія, но желѣзный человѣкъ, впадая въ безпамятство отъ мукъ, даже въ бреду не проговорился. Ненавистью и презрѣніемъ дышали его краткіе отвѣты; полуживой страдалецъ не сдался ни на секунду, не согнулся передъ безчисленными лютыми палачами... Чуть шевелящіеся остатки человѣка приговорили къ висѣлицѣ. Александръ II расчеркнулся на смертномъ приговорѣ и, можетъ быть,—о, кровавая иронія! — даже оросилъ слезою приговоръ. Изглоданный трупъ вывѣсили на площади, въ урокъ грядущимъ великимъ безумцамъ.

Въ 1871 г. дѣло Нечаева. — За посягательство на государственный строй къ суду были привлечены снова тысячи человѣкъ, снова были пущены въ ходъ предварительные аресты, побои, замариваніе голодомъ, холодомъ, гнилымъ смрадомъ подваловъ. Предварительное заключеніе вогнало большинство въ чахотки, нервныя болѣзни, идіотизмъ. Чудовищные приговоры

обрушились на главныхъ виновниковъ: Успенскаго, Прыжова, Кузнецова; 20-лѣтняя каторга, 20-лѣтняя крѣпость, вѣчное поселеніе. Громадное число безъ вѣсти запропастилось по невѣдомымъ угламъ нашего великаго пространствомъ отечества.

Въ 1872 г. былъ взятъ силою изъ Швейцаріи Нечаевъ; его считали способнымъ послѣдовать примѣру Каракозова съ тою разницею, что въ Нечаевской рукѣ предполагалось болѣе твердости, этого было достаточно, чтобы не пожалѣть никакихъ денегъ для подкупа, никакихъ интригъ и мерзостей для поимки врага. Разыгралась надъ нимъ Каракозовская процедура: его сѣкли, били по щекамъ, тиранили день и ночь, и прочли приговоръ на площади, какъ надъ чернымъ убійцею. Отравленъ ли онъ? Затерзанъ? Убитъ?—Никто не знаетъ. У насъ нѣтъ для политическихъ преступниковъ уголовныхъ законовъ, а есть физическіе законы: чѣмъ энергичнѣе виновный, тѣмъ энергичнѣе расправа.

Журнальные размѣры статьи не позволяютъ мнѣ входить въ надрывающія душу подробности; я буду говорить приблизительными цифрами, но пусть не забываетъ читатель ни на секунду, что каждое дѣло, какъ бы оно мало ни было, сопровождалось нашествіемъ жандармскихъ и полицейскихъ иноплеменниковъ, битьемъ, ломаніемъ, обстукиваніемъ; физическіе и моральные недуги были удѣломъ большинства осужденныхъ; слезы матерей, женъ, отцовъ, братьевъ обливали каждое изъ этихъ дѣлъ. Муки, разбой, бѣшенное самоуправство стоятъ, неотразимо, за каждою моею цифрою.

1874 г. Дѣло Долгушина о пропагандѣ въ народѣ. — Послѣ двухлѣтней тюрьмы, сосланы на каторгу: Долгушинъ, Дмоховскій, Панинъ, Плотниковъ, Малиновскій. Едва живы Долгушинъ и Панинъ, остальные задохнулись въ зараженной атмосферѣ гнилыхъ подваловъ.

1876 г. 26 мая процессъ о распространеніи запрещенныхъ книгъ. Къ девятилѣтней каторгѣ приговоренъ крестьянинъ Александръ Осиповъ.

1876 г. 23 сентября молодая дѣвушка, Александра Бутовская, за недоказанное обвиненіе въ распространеніи запрещенныхъ книгъ, сослана на 4-лѣтнюю каторгу.

1876 г. 6 декабря демонстрація на Казанской площади, — Жандармы и полиція избили до полусмерти тесаками болѣе тридцати совершенно невинныхъ личностей, бывшихъ при произнесеніи рѣчи въ соборѣ. Въ тюрьму ихъ вталкивали ударами въ грудь, голову и спину; дѣвушекъ били такъ же безжалостно, какъ и мужчинъ. Въ тюрьмѣ заключенныхъ топтали ногами. Въ числѣ убитыхъ и исковерканныхъ была беременная женщина, при послѣднихъ дняхъ. Нѣсколько человѣкъ приговорены къ 20-лѣтней каторгѣ (подробности можно найти въ любой русской газетѣ).

1877 г. въ мартѣ процессъ пятидесяти осужденныхъ за соціально-ре-

волюціонную пропаганду. Въ числѣ осужденныхъ — 15 дѣвушекъ и женщинъ отъ 15 до 25 лѣтъ. Къ 10-лѣтней каторгѣ приговорено 3 человѣка, 9-лѣтней каторгѣ 6 человѣкъ, 6-лѣтней — двѣ дѣвушки, 5-лѣтней—одинъ; остальные сосланы въ смирительные дома, крѣпости, въ дальныя губерніи.

Въ октябрѣ 1877 процессъ 192, тотъ процессъ, о которомъ газеты всей Европы выразились: „procès politique monstre." Болѣе двухъ тысячъ человѣкъ нѣсколько лѣтъ томились въ заключеніи, ожидая гибели. По мрачнымъ слухамъ, носящимся въ публикѣ, нѣсколько человѣкъ сошли съ ума, нѣсколько, за неимѣніемъ ничего въ рукахъ, зарѣзались разбитыми стаканами; время раскроетъ все!! . . .

На судъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ приносили въ креслахъ, съ атрофированными членами; руки и ноги болтались какъ плети; полумертвые, изнуренные, они оставляли ужасное впечатлѣніе на публику. Когда Мышкину во время его защитительной рѣчи жандармы начали рвать ротъ и душить его платкомъ, нѣсколько женщинъ упали въ обморокъ.

Къ удивленію, процессъ кончился менѣе свирѣпо, чѣмъ остальные. Монархъ, слышавшій каждый день, во время пребыванія въ „Студнѣ," о героическомъ, самоотверженномъ поведеніи въ больницахъ молодыхъ дѣвушекъ, заподозрѣнныхъ въ нигилизмѣ, почувствовалъ, — что почти невѣроятно, — угрызеніе совѣсти. Только нѣсколько человѣкъ было сослано на каторгу: остальные, послѣ оправданія, замучиваются въ центральныхъ тюрьмахъ...

За процессомъ 192 наступаетъ переломъ. Невинно избиваемая тысячами, молодежь стала искать спасенія въ кинжалѣ и револьверѣ. Осатанѣлые разбойники, бѣгающіе съ завязанными глазами и ножомъ въ рукахъ, рѣжущіе всѣхъ встрѣчныхъ, сами, наконецъ, наткнулись на ножъ... Отчаяніе охватило несчастныхъ; запрещенная книга, найденная у подсудимаго, сулила ему три года тюрьмы до суда, и затѣмъ гибель въ замерзлой пустынѣ.., Не только участіе, но и знакомство съ революціонерами— смерть въ тюрьмѣ.

Кинжалъ сталъ единственнымъ, логическимъ орудіемъ освобожденія.

Отъ февраля 1878 до декабря 79 свершились событія, оглушившія громомъ Европу, навѣки заклеймившія правительство освободителей тавромъ каторжника. Они покрыли его позоромъ и кровью, которыхъ не смоютъ никакія очистительныя жертвы... Это тѣ пятна невинной крови, которыя вмѣстѣ съ кожею старалась стереть съ своихъ рукъ, въ ночномъ кошемарѣ, леди Макбетъ, говоря: „океаны чистой воды не смоютъ этихъ пятенъ, отъ нихъ волны заплещутъ кровавыя..."

Первый раздавшійся въ Россіи выстрѣлъ заставилъ Европу забыть на нѣсколько дней славянскій вопросъ, всѣхъ царей, дипломатовъ, всю политическую жизнь Европы.

Замученная по тюрьмамъ, молодая дѣвушка, узнавъ о страшномъ истязаніи въ тюрьмѣ Боголюбова и видя индифферентизмъ не только въ правительствѣ, но и въ обществѣ, рѣшилась пожертвовать своею жизнью и показать, что Россія не сплошная могила, что нельзя безнаказанно затерзывать беззащитныхъ. Слабая дѣвушка, на нѣкоторое время, заставила Европу задуматься надъ нашимъ будущимъ. Французская радикальная пресса оцѣнила неслыханный въ исторіи подвигъ великаго самоотверженія...

Душа дрогнула у присяжныхъ; не смотря на свои пожилые лѣта и консерватизмъ, они вынесли оправданіе Вѣрѣ Засуличъ. Держащіе въ рукахъ „громы земные" сенаторы, министры, чуть не жандармскіе служители, охваченные всеобщимъ восторженнымъ движеніемъ, аплодировали праведному суду. Предсѣдатель ни на секунду не прерывалъ адвоката, во время его безпощадной рѣчи, раскрывающей всѣ сказочныя преступленія, свершаемыя всюду безотвѣтственнымъ III отдѣленіемъ. Послѣ оправданія жандармы опомнились и хотѣли силою взять Вѣру Засуличъ и задушить ее въ крѣпости, но молодежь отстояла ее, и студентъ Завадскій былъ убитъ жандармомъ.

Монархъ пришелъ въ ярость, поцѣловалъ тюремнаго палача и перевелъ его чиномъ выше въ Государственный Совѣтъ.

Получивъ оплеуху отъ суда и русскаго общества, онъ себѣ самъ далъ другую — болѣе звонкую, свершивъ этотъ незабвенный поступокъ.

При полномъ сіяніи дня, на многолюдной улицѣ, былъ убитъ янычаръ Мезенцовъ, другъ царя. Бывъ помощникомъ шефа жандармовъ, онъ былъ замѣшанъ въ громадномъ дѣлѣ Мясниковыхъ о поддѣлкѣ духовнаго завѣщанія и векселей. Пользуясь своею неотвѣтственностью, онъ уморилъ въ крѣпости всѣхъ опасныхъ для него свидѣтелей дѣла. Въ другой странѣ онъ былъ бы сосланъ на вѣчныя галеры, у насъ онъ былъ вскорѣ пожалованъ въ шефы жандармовъ, и это логично: кто же — исключая каторжника — рѣшится взять эту должность, оберегающую „основы"! Сухой, свирѣпый негодяй, солдатъ и невѣжда, убійца по призванію, онъ затерзалъ по тюрьмамъ тысячи невинныхъ людей. Чудными строками охарактеризовалъ одинъ изъ мучениковъ своего палача:

Жизнію распутною вскормленный,
Нашею кровью вспоенный,
Жалости въ сердцѣ не вѣдавшій,
Пытки и казнь проповѣдавшій.

Шедшихъ дорогой тернистою
Мявшій стопою нечистою,
Въ страшной неравной борьбѣ,
Вѣчная память тебѣ.

Память позорная
Мысли гонителю,
Память укорная
Злому мучителю.

(*Земля и Воля*, № 1).

Съ этой кровавой отмѣткой на мѣдномъ лбѣ, ты явишься, подлый злодѣй, передъ судомъ Исторіи... Говоря объ убитомъ Мезенцовѣ, монархъ произнесъ знаменитыя слова: „скоро честному человѣку нельзя будетъ выйти на улицу...“

Ты правъ, повелитель правовѣрныхъ! мы желаемъ отъ всей души, чтобы честные люди, подобные тебѣ и Мезенцову, не могли выходить на улицу, чтобы они лежали смирно въ своихъ гробахъ....

Но иностранцы не должны удивляться, что, говоря о второмъ царѣ русскаго царства, шефѣ жандармовъ, я указываю, что онъ поддѣлывалъ завѣщанія и векселя. Не только высшая административная сфера вся состоитъ изъ ненасытныхъ воровъ, которые въ послѣднее время выкрадываютъ себѣ, втихомолку, громадныя имѣнія въ Польшѣ, но и сама царская семья поражена до мозга костей этимъ плачевнымъ недугомъ. Константинъ Николаевичъ настолько извѣстный всему міру воръ, что о немъ странно говорить; онъ грабитъ не только желѣзныя дороги, пароходныя общества, флотъ, но и не брезгаетъ кабаками; сынъ его ободралъ брильянты съ иконы и обчистилъ столъ вора папаши. Подающій огромныя надежды воришка былъ посланъ въ Ташкентъ усовершенствоваться.

Николай Николаевичъ во время войны за освобожденіе славянъ отъ грабительства турокъ, ограбилъ армію. Герои солдаты ѣли живыхъ червей, стрѣляли углемъ вмѣсто пороха, валялись искалеченные, покрытые ранами въ снѣгу, Н. Николаевичъ весело откладывалъ десятки милліоновъ на черный день, на бѣдность, и удѣлялъ довольно добросовѣстно незначительный процентъ своей дѣвкѣ. Константинъ и Николай Николаевичи числятся столбами, на которыхъ покоятся „основы семейства и собственности.“

Монархъ въ то время, когда ограбленная Россія жертвовала свои послѣднія лохмотья на войну, съ своихъ громадныхъ удѣловъ велѣлъ снять всѣ лежавшіе на нихъ государственные налоги. Онъ беретъ изъ государственнаго казначейства развязно, съ видомъ человѣка, творящаго благодѣянія, все, что ему вздумается; мало 30 милліоновъ, возьметъ 60; неоткуда взять, попроситъ взаймы у европейскихъ банкировъ; съ презрительною усмѣшкою откажутъ — со злости выпуститъ нѣсколько сотъ милліоновъ бумажнаго навоза. Россія въ убыткѣ, онъ въ барышѣ; но Россія и существуетъ исключительно только для того, чтобы терпѣть и быть въ убыткѣ. Всѣ, имѣющіе честь въ паспортахъ называться вѣрноподданными, — его безгласные холопы; ихъ кровавыя деньги — его деньги. И тотъ

же самый монархъ день и ночь душитъ и душитъ молодежь по тюрьмамъ, увѣряя всѣхъ, что она шатаетъ собственность...

Въ Россіи принципъ, послѣдовательность — дикіе звуки, „значеніе ихъ темно и ничтожно.“ Нужно вспомнить, что самый ярый защитникъ семейства у насъ былъ шефъ жандармовъ Потаповъ. Эта весталка, въ борьбѣ за семейную добродѣтель, получила много ранъ, и, не смотря на удивительныя дозы меркурія и затѣмъ сѣрныя ванны, онѣ не проходили: затяжной сифилисъ палъ на мозгъ, „потухъ огонь на алтарѣ“ и Потаповъ сошелъ съ ума; но, не смотря на это невинное обстоятельство, онъ почти до смерти бредилъ семействомъ и свирѣпствовалъ въ качествѣ шефа жандармовъ.

Герои славянскаго освобожденія: Гурко, Тотлебенъ и пр. въ одинъ часъ, тотчасъ по полученіи приказа отъ барина, выродились въ персидскихъ сатраповъ, и навѣрное менѣе другихъ сознаютъ безуміе этой метаморфозы.

Ни одно семейство въ Россіи — разъ кто нибудь изъ его благородныхъ членовъ не служитъ въ жандармеріи — не можетъ спать покойно, ожидая съ минуты на минуту ночнаго нападенія хранителей семейнаго очага; имъ даны ключи съ правомъ вязать и разрѣшать. Безграмотный солдатъ можетъ всякаго, кто ему не понравится, взять за шиворотъ и оттащить въ крѣпость, и пройдутъ долгіе мѣсяцы, пока догадаются, въ чемъ дѣло; недавно, въ Херсонѣ, урядникъ, живущій съ замужнею женщиною и недовольный тѣмъ, что мужъ ея взираетъ не достаточно снисходительно, въ одну скверную ночь свелъ его въ крѣпость, какъ политическаго преступника, и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, случайно, узнали о заключенномъ мужѣ и, убѣдившись, что онъ невиненъ, какъ голубь, освободили, при чемъ не забыли сдѣлать урядику выговоръ. Верховые и пѣшіе жандармы, шпіоны и палачи на оффиціальномъ языкѣ называются спасителями семейства, хранителями государственныхъ основъ...

Убитъ во время веселаго возвращенія съ бала харьковскій губернаторъ Крапоткинъ, холопъ и палачъ. Во время его сатранства, въ одну недѣлю скоропостижно умерло около 200 человѣкъ политическихъ арестантовъ; онъ замучивалъ молодыхъ людей съ фанатическою жестокостью испанскаго инквизитора; перечень его мрачныхъ злодѣйствъ былъ напечатанъ тайною прессою и прибитъ на стѣнахъ улицъ въ Харьковѣ.

Убитъ жандармскій полковникъ за то, что морилъ голодомъ политическихъ преступниковъ и безпощадно издѣвался надъ ихъ нестерпимыми мученіями....

Раненъ прокуроръ Котляревскій, бѣшеный песъ, напущенный правительствомъ на политическихъ преступниковъ; за деньги и чины онъ ихъ обвинялъ съ пѣною у рта и требовалъ для нихъ вѣчной каторги.

Убиты въ Одессѣ, Таганрогѣ, Ростовѣ, Москвѣ и С. Петербургѣ 5 шпіоновъ.

сдѣлано покушеніе на новаго шефа жандармовъ Дрентельна.

Въ Одессѣ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и молодыхъ людей, вооруженные револьверами и кинжалами, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ защищались отъ нападенія на ихъ квартиру, почью, сотни жандармовъ.

Въ Кіевѣ нѣсколько дѣвушекъ и молодыхъ людей, вооруженные кинжалами, защищались отъ ватаги напавшихъ на ихъ квартиру, почью, хранителей основъ.

Въ Харьковѣ во время провоза политическаго преступника Оомина сдѣлана была попытка его освобожденія, съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ Москвѣ во время провоза политическихъ преступниковъ студенты сдѣлали имъ оваціи и были избиты до полусмерти нанятыми полиціей мясниками. Гармоническій союзъ: мясники изъ ножовой линіи и правительство освободителей! Чудный каламбуръ, „разыгранный жизнію самой."

При произнесеніи приговора надъ Ковальскимъ вооруженная толпа молодыхъ людей старалась его освободить.

Отыскано нѣсколько тайныхъ типографій. И наконецъ...

2 апрѣля Соловьевъ не попалъ въ царя. Ожирѣлый трусъ до того одурѣлъ отъ страха, что, не смотря на неуязвимую броню, сталъ дѣлать фантастическіе прыжки, достойные балаганнаго гаера, и затѣмъ съ быстротою 12 верстъ въ часъ удостоилъ прослѣдовать всю громадную площадь и растянулся, весь огаженный, на осчастливленныхъ имъ ступеняхъ дома Горчакова. Мстительный злодѣй и трусъ, онъ выместилъ свой страхъ и позоръ на несчастномъ Соловьевѣ. Англійскія и французскія газеты съ очень лестными коментаріями печатали о пыткахъ въ войлочной комнатѣ съ помощью электричества.

Когда я готовилъ эту статью въ печать, газеты со всѣми подробностями передавали событіе 1 декабря. Царскій поѣздъ былъ весьма неделикатно пріостановленъ Мининымъ Сухоруковымъ. Полчаса и случай спасли монарха. 4-ое страшное предостереженіе получаетъ мучитель молодежи. Давно ли висѣлицы, муки, новыя биткомъ набитыя центральныя тюрьмы, сатрапы, урядники, жандармы, дворники считались могучимъ талисманомъ, которымъ можно заговорить на вѣки святой гнѣвъ, кипящій въ груди у молодежи, заворожить въ ней человѣческія чувства. Не далѣе, какъ нѣсколько дней назадъ казалось, что палачь съ веревкою можетъ спасти царя и III отдѣленіе.

Иди далѣе, послѣдній могиканъ абсолютизма! и хотя у тебя будетъ свертываться кровь въ жилахъ отъ страха и подкашиваться ноги, напряги послѣднія силы и порази, если можешь, міръ еще новыми ужасами; потанцуй, новый Блонденъ, еще разъ надъ сто-саженною пропастью на канатѣ, враги будутъ тебѣ горячо аплодировать! Иди быстрѣе, ты сходишь съ исторической сцены, и скользки стали облитыя кровью невинныхъ твои послѣднія ступени!!...

Не даромъ монархическія государства, какъ утопающіе за соломен-

ку, цѣпляются за Бога: они знаютъ, что когда умретъ Богъ на небѣ, за нимъ вслѣдъ умретъ послѣдній король на землѣ. Фантастическимъ будетъ казаться слѣдующимъ поколѣніямъ, что существовали нѣкогда жалкія, глупыя твари, обивающія себѣ лбы передъ чурбаномъ, вымазаннымъ святымъ муромъ, съ дурацкимъ колпакомъ на верху.

Русская молодежь смотритъ на своего помазанника, не болѣе и не менѣе, какъ на пьянаго, одурѣвшаго и очумѣвшаго злодѣя, какъ на невыносимо вредное и безконечно уродливое существо, каждый часъ жизни котораго есть смерть и гибель лучшихъ людей Россіи, у которыхъ онъ, въ лучшее время своей жизни, не достоинъ былъ снять грязные сапоги.

Противъ этого вкравшагося въ душу воззрѣнія можно нагородить цѣлыя горы подлой галиматьи, но высказать хоть одно здравое слово — не представляется абсолютно ни малѣйшей возможности. Въ царя можно вѣрить, какъ вѣрятъ въ муроточивыя головы, носы, зубы, молоко богородицы, но разсуждать о его божественныхъ качествахъ не возможно...

Видѣли ли Вы Александра II, самодержавнаго сыщика? если нѣтъ, приглядитесь внимательно къ его послѣдней карточкѣ: обвислыя щеки, мутные, злобные глаза испуганной кошки; выраженіе всего лица, какъ будто онъ напряженно прислушивается и слышитъ легкіе шаги убійцы. „Магбетъ зарѣзалъ сонъ и отнынѣ уже никогда не спать Магбету." Онъ трясется по ночамъ; его возятъ по Россіи съ арміей солдатъ въ желѣзной клѣткѣ, какъ гориллу. Но 1-ое декабря показало, что желѣзная клѣтка стала на положеніи броненосца послѣ изобрѣтенія торпедъ. Логовище царя — Ливадія; сезоны перестали существовать въ Крыму съ того момента, когда Александръ очутился тамъ въ мартѣ мѣсяцѣ; море охраняетъ его тамъ съ одной стороны, лѣса изъ жандармовъ и шпіоновъ съ остальныхъ; часъ суда уже давно пробилъ для него, порядочные люди — ихъ было такъ мало — отшатнулись отъ него, убійцы и воры приблизились: ему стоитъ свиснуть, и они поползутъ отъ него съ ножомъ въ рукахъ убивать перваго встрѣчнаго. Но союзъ съ убійцами не навѣваетъ сладкихъ сновидѣній, его безсонныя ночи, навѣрное, тревожитъ мысль, что они такъ охотно выползающіе отъ него съ ножомъ въ рукахъ, могутъ такъ же охотно — кто больше дастъ — вползти къ нему съ тѣмъ же ножомъ въ рукахъ. Эта математическая выкладка была превосходно доказана Павломъ I.

Но не одни люди возстали противъ единственнаго на цѣлой половинѣ земнаго шара отживающаго абсолютнаго деспота. Въ Европѣ существуютъ теперь двѣ рѣдкости: зубръ въ Бѣловѣжской пущѣ и Александръ на русскомъ тронѣ. Противъ абсолютизма возстала сама стихійная природа; близорукіе люди не замѣчали этого натиска, нужно было встать всемогущей наукѣ, чтобы доказать это. Докторъ Якоби въ своемъ оригинальномъ трудѣ: *De l'hérédité et de la sélection chez l'homme**), который въ первомъ своемъ абрисѣ получилъ первую премію отъ Мадридской академіи, перелисты-

*) Въ журналѣ Мадр. Мед. Академіи за 1877 г. *France*, 5 янв. 1879.

кая исторію страницу за страницею, доказываетъ, что самодержцы не способны долго продолжать свой родъ, въ 4-омъ поколѣніи природа ихъ вышвыриваетъ за дверь; она увѣнчиваетъ ихъ идіотизмомъ или частенько короной чахотки. Сильный деспотъ начинаетъ свой родъ, отличаясь энергіей, умомъ; 4 поколѣніе того же деспота не способно плодиться — хотя мудрость не велика — они сходятъ съ огромной сцены какъ освистанные актеры, въ тьму, неизвѣстность... Человѣкъ, воля котораго никогда не обуздывается, — искуственный сумашедшій; эти выблядки природы слышать всю жизнь то, что слышалъ король Лиръ отъ своихъ придворныхъ „у меня не было волосъ на бородѣ, они уважали мои сѣдины“ „они мнѣ говорили и да и нѣтъ въ одно и то же время, они говорили, что я всесиленъ, а лихорадка сильнѣе меня.“ Дворцовая логика ведетъ къ полному ослабленію умственныхъ силъ и воли. Искусственный сумашедшій передаетъ свое сумашествіе второму поколѣнію; оно его совершенствуетъ, натурализируетъ и затѣмъ 4 поколѣніе наслаждается благопріобрѣтеннымъ. Докторъ Якоби въ самыхъ приличныхъ выраженіяхъ доказываетъ брезгливость природы къ деспотамъ, ни на волосъ не вдается въ тенденціозность — зачѣмъ она ему — если выводы, и безъ того черезъ чуръ мрачные, даетъ безцеремонная наука?

Дарвинъ, доказывая происхожденіе человѣка отъ обезьяны, мало заботился о томъ, что это лохматенькое, нерящливое и циническое существо заставило кувыркомъ полетѣть библію, евангеліе, божественныя происхожденія, непорочное постное зачатіе, короны, аристократическіе гербы и у корня подрѣзало нашу таинственную душу, которой мы такъ непозволительно долго гордились и увѣряли цѣлыя тысячелѣтія, что Егова вручилъ ее намъ a part, обидѣвъ весь остальной великій животный міръ... О! великіе теологи, глубокіе философы, жалкая смерть ожидаетъ васъ; ваши боги погибли не въ борьбѣ съ титанами, — ихъ прихлопнула лохматая лапа обезьяны!!...

Въ настоящее время Россія, по приказанію полиціи и урядниковъ, предлагаетъ соорудить нѣчто грандіозное въ память 25-лѣтняго царствованія Александра II, Освободителя жандармовъ и шпіоновъ. Если бы какимъ нибудь чудомъ можно было бы собрать всѣ черепа погибшихъ въ это мудреное царствованіе и сложить изъ нихъ пирамиду, я увѣренъ, что гнилая трясина, поддерживающая Петербургъ, не выдержала бы роковой тяжести; какой игрушкой передъ ней показались бы пирамиды изъ череповъ Тамерлана и Аттилы!

Послѣ выстрѣла въ царя начинается вальпургіева ночь деспотизма. Старую, рыхлую шкуру нужно было спасти во что бы то ни стало, хоть цѣною гибели цѣлаго молодаго поколѣнія. Да здравствуетъ быкъ Навуходоносоръ и да погибнутъ люди! Ветхозавѣтная тьма охватываетъ Россію со всѣхъ сторонъ. Университеты закрываются, народныя школы подавлены, онѣ замѣнены рѣчами съ кафедры Исакіевскаго собора; земство от-

дано въ руки сатраповъ, жандармовъ; литература превращена въ публичный домъ; выброшенныя намъ когда-то обглоданныя кости вырвали, съ пинками въ задъ, обратно и бросили въ навозную кучу. Суворины, Краевскіе, Катковы съ кучею талантливыхъ прохвостовъ наняты поденно III отдѣленіемъ съ приказомъ зарываться по уши въ навозную кучу. Литературныя проститутки сидятъ, ничего не дѣлая, въ тепломъ навозѣ и дѣлаютъ видъ, что разыскиваютъ жемчужину; но день проходитъ за днемъ, и они, наконецъ, до того пропочились вонью отъ падали, что имъ стало казаться — какъ солдату въ повѣсти Гейне, проспавшему въ навозѣ — что весь міръ воняетъ; они стали доказывать, что это и есть то благое провидѣніе и то великое предназначеніе Россіи, о которомъ ратовали славянофилы и еще такъ недавно Соловьевъ въ „Трехъ силахъ."

Все путается въ страшномъ хаосѣ: скачущіе урядники, дворники жандармы, шпіоны, сатрапы, эшафоты; половина бюджета уходитъ на разбойниковъ и шпіоновъ; обнищавшая страна платитъ, подъ ударами вымоченныхъ въ соленомъ растворѣ розогъ, послѣдніе гроши на собственную гибель, на содержаніе безчисленныхъ палачей; они врываются по ночамъ всюду, хватаютъ *тысячами*; до суда сотни умираютъ отъ голода, холода, сырости, физическихъ и моральныхъ недуговъ; полъ Россіи надѣваетъ трауръ; въ три мѣсяца сослано 20,000 человѣкъ; въ пять мѣсяцевъ 12 человѣкъ политическихъ преступниковъ повѣшено; казнь носила страшный характеръ: на одной висѣлицѣ вѣшали троихъ. Ненасытные кровопійцы хотѣли, чтобы болѣе виновный изъ трехъ ждалъ смерти часъ и насладился послѣднею дрожью товарища-друга, полюбовался высунутымъ, распухшимъ языкомъ, синимъ, исковерканымъ муками лицомъ; имъ мало висѣлицы, имъ нужно безконечно истомить поймавшагося въ ихъ звѣриные когти, беззащитнаго страдальца предвкушеніемъ висѣлицы.

Государство, тратящее около милліона на чистку царскихъ нужниковъ, экономитъ грошъ на веревку, бревно...

700 человѣкъ, самыхъ опасныхъ, повезли хоронить половину въ море, остальную на Сахалинъ, дикій, ужасный островъ, на которомъ въ нѣсколько дней могутъ умереть отъ голода и холода не 700 человѣкъ, но 70,000. Командиръ парохода писалъ сантиментальныя донесенія, и они съ поразительною наивностью перепечатывались нашею презрѣнною прессою; по его увѣренію, на пароходѣ царила пастушеская идиллія; преступники наслаждались комфортомъ, о которомъ не смѣютъ мечтать пассажиры I класса „Messagerie Nationale"; они принимали холодныя души во время жары, питались кровавыми ростбифами, пили водку, испанскія и французскія вина, спали ночью на палубѣ и нѣсколько разъ въ день распѣвали молитвы съ пароходнымъ попомъ, моля Бога, чтобы онъ осѣнилъ крыльями ангеловъ облагодѣтельствовавшаго ихъ, но, несмотря на это, страдающаго безсонницей монарха, и лили слезы великаго покаянія всякій разъ, когда попъ, на сонъ грядущій, въ яркихъ краскахъ, подобно проповѣднику Исакіевскаго собора, описывалъ моральныя страданія мо-

нарха въ борьбѣ съ нигилизмомъ. Во время остановки преступники поочередно посѣщали кафе-шантаны и умилялись пѣніемъ и танцами арфистокъ, нѣкоторые приглашали ихъ къ себѣ любоваться луною...

Но прозаическая Англія разрушила быстро пастушескую идиллію; пастушокъ и кроткіе бараны мгновенно исчезли въ чащѣ лѣсовъ... Заслуживающіе полнаго довѣрія корреспонденты „Times" и другихъ очень солидныхъ журналовъ, въ одинъ голосъ заявили, что 700 человѣкъ политическихъ преступниковъ въ 45 градусовъ жары были брошены на дно парохода, въ смрадныя собачьи ямы, въ цѣпяхъ, и что около 200 счастливцевъ кончили свое веселое путешествіе въ земной рай въ страшныхъ мукахъ.

Благородный голосъ раздался въ парламентѣ, онъ требовалъ суда надъ русскими башибузуками. При описаніи случившагося, были произнесены замѣчательныя слова: „такія злодѣйства требуютъ отмщенія."

Я закончу неслыханный мартирологъ неслыханнымъ происшествіемъ, которое извѣстно всей Европѣ, оно лучше тысячъ томовъ и памфлетовъ разъяснитъ тайну тайнъ нашей тюремной жизни; покажетъ, какая пучеларная жизнь выпала у насъ на долю тысячъ молодыхъ людей, смѣющихъ быть честными и свободными. Заподозрѣнный въ политическомъ дѣлѣ Сомовъ пробылъ до суда три года въ крѣпости; въ одинъ вечеръ онъ, связанный, приподнялся на стулѣ до лампы, сралъ зубами раскаленное стекло, зажегъ себѣ одежду, легъ на соломенный матрацъ и началъ, безъ стона и звука, зажариваться; онъ молчалъ, лежа на огненной постелѣ, боясь, что жандармы помѣшаютъ ему умереть. Почуявъ гарь, сбѣжалась стража тюрьмы и нашла его на половину обугленнымъ; изъ прожженнаго живота высовывались кишки. Послѣднія его слова, передъ ужасною смертью, были: „жизнь политическаго преступника такъ страшна, что я нахожу, что смерть въ огнѣ есть самый пріятный выходъ изъ нея..."

Огненныя тучи сбираются надъ нашею головою, онѣ несутся съ зловѣщею быстротою, молніи прорѣзаютъ мглу, судъ народа близокъ, и судя потому, что свершается передъ нашими глазами, онъ будетъ безуменъ и безпощаденъ.

Насъ можетъ спасти только революція, иначе мы будемъ раздавлены натискомъ всей Европы; мы выпьемъ до дна горькую чашу, приготвленную намъ абсолютизмомъ; съ нами поступятъ какъ съ Турціей, и мы безсловесные, безсердечные, трусливые холопы заслуживаемъ этого вполнѣ...

Призываю тебя, святое мщеніе! Не медли, спаси мою родину, обрушься съ яростью и силою индѣйскаго урагана на этотъ невѣроятный, дикій міръ остервенѣлыхъ палачей; смѣшай ихъ кровь съ вонючею грязью и очисти невыносимо душную, чумную, могильную атмосферу русской жизни!..

Монархъ-мясникъ, заправлявшій бойнями, пальцемъ не шевельнувшій, чтобы остановить ихъ, но разсказамъ многихъ, склоненъ къ нѣжнымъ, семейнымъ чувствамъ, любимая тема сантиментальныхъ лакеевъ — любовь

монарха къ своей дочери. Неужели у нѣжнаго папаши ни разу не мелькнула мысль, что у тысячъ несчастныхъ молодыхъ людей, приговоренныхъ къ страшной гибели, есть матери, отцы, жены, сестры, братья, друзья?... Одна слеза несчастнаго юноши для насъ дороже, значительнѣе цѣлыхъ ведеръ слезъ плаксиваго императора. Онъ за одинъ разъ слѣпо разилъ отцевъ и дѣтей, старое и молодое поколѣніе, — такое палачество скоро обратитъ консерваторовъ въ революціонеровъ! Неужели потому только, что его собственныя слезы текутъ изъ ослабѣвшихъ железокъ и такъ же не связаны съ душевными движеніями, какъ моча, онъ забылъ про настоящія слезы, которыя текутъ изъ святаго источника любви? Чѣмъ оправдываются царь и правительство, закапывая тысячи людей живыхъ въ землю? дико выговорить—*печальною необходимостью! Земля промокла* кровью до центра черезъ эту удивительную, печальную необходимость. Загляните въ историческую тьму, въ дантовскій адъ *прошедшаго*—Калигула, Неронъ, Тиберій, Геліогабалъ, Ричардъ III, Генрихъ VIII, Филиппъ II, Альба, Инокентій III, Борджіо, Шахъ Надиръ, Іоаннъ Грозный, Павелъ и проч., и проч. Все это невинные продукты печальной необходимости! Если бы меня попросили изобразить въ аллегорическомъ образѣ „печальную необходимость" я бы изобразилъ ее въ видѣ индѣйской богини Кали: все ея тѣло темносинее, ладони красныя—знакъ жажды крови; у нея четыре руки—двумя загребать жертвъ ей недостаточно; языкъ опухлый, виситъ до пояса—знакъ, что черезъ чуръ много сожрала жертвъ; къ ея поясу прикрѣплены невкусныя руки ея вкусныхъ жертвъ; шея украшена не адамантами, а нанизанными человѣческими черепами.

Служители необходимости говорятъ, что пойманныя тайныя общества грозили цѣлости государства. Если тайное общество, какихъ бы оно размѣровъ ни было, можетъ перевернуть государство, то такое государство—созрѣвшій нарывъ, къ которому стоитъ только коснуться ланцетомъ и гной прыснетъ, такое бизсильное, неустойчивое, мизерное царство— китайскій, игрушечный болванчикъ.

Неужели въ высшихъ государственныхъ сферахъ до этихъ поръ, не смотря на печальные уроки, царитъ такое геркулесовское невѣжество, что они, правители и ревнители, не знаютъ, что серьезные перевороты не могутъ быть на линію отвратимы остервенѣлымъ палачествомъ? Казните мучительною казнью себя, если управляемое вами государство такъ плохо, что довольно одного дуновенья, чтобы перевернуть его!

Нѣтъ! мудрые администраторы знаютъ все это, но ихъ „*нравъ*" черезъ чуръ разнуздался на полной свободѣ; они хотятъ по ночамъ врываться въ квартиры заподозрѣнныхъ, ломать полы, стѣны, переворачивать все вверхъ дномъ; хотятъ сѣчь, бить, мучить, ссылать, залѣзать въ чужую частную жизнь и бушевать въ ней, какъ въ кабакѣ; хотятъ строить вавилонскія башни изъ пакостей, разбоя, невѣроятныхъ низостей, и при этомъ желаютъ всеобщей благоговѣйной благодарности и пламенныхъ просьбъ продолжать, не стѣсняясь!... Нецензурная, правдивая исторія из-

рекетъ злой приговоръ надъ Александромъ II, царствующею пьяврою. Тамъ, гдѣ 85 милліонами имѣетъ безуміе и дерзость управлять одинъ самодержецъ, такой достойный спиртовой банки самодержецъ отвѣчаетъ за все...

Бѣдная, жалкая моя родина! скотски безропотно сносишь ты все сильнѣе и сильнѣе разгуливающіеся ужасы; безсильна ты, какъ больной младенецъ! Единицы, сбросившія съ себя рабскія кандалы, стряхнувшія съ себя вѣковую летаргію, съ ужасомъ отрекшіяся отъ своего прошлаго, идутъ и гибнутъ за тебя, и ты мутнымъ взоромъ провожаешь ихъ на гибель, не шевелишь атрофированными членами! Бѣдная, жалкая родина! не духъ свободы, не сознаніе человѣческихъ правъ горятъ въ тебѣ, а безграничная, какъ твое пространство, лакейская угодливость!!...

Теперь полюбуемся подвигами царя-реформатора въ области умственной жизни. Реформы въ полномъ смыслѣ радикальныя! умственная жизнь схоронена. Царь-освободитель можетъ смѣло сказать: „Ни одинъ честный писатель, честный труженикъ не были мною забыты, я ихъ содержалъ и содержу въ убытокъ себѣ въ моей громадной Петропавловской гостинницѣ; за служеніе добру и истинѣ я ихъ тяжеловѣстно наградилъ кандалами, я самъ надѣлъ на ихъ головы страдальческіе вѣнцы; я никого не забылъ. Помѣщеніе и содержаніе въ моихъ гостинницахъ роскошныя: самые сильные или сгнили, или догниваютъ!"

Самое крупное умственное убійство, самое позорное злодѣяніе Александра II — ссылка на каторгу Н. Г. Чернышевскаго. Правительство ясно почувствовало, что такого мощнаго бойца, какъ Чернышевскій, трудно направить по тропиночкѣ благочестія; иронія его была остра, какъ бритва, его трезвый умъ не шелъ на компромиссы, его взгляды черезъ чуръ рѣзко расходились съ доморощеннымъ, дозволеннымъ либерализмомъ. Нужно было расправиться сурово, по-азіатски съ личностью писателя, смѣющаго жить глубоко-самостоятельною умственною жизнью! Чернышевскій, зная нѣкоторую падкость нашего монарха къ человѣчьему мясу, былъ необыкновенно остороженъ; не смотря на остроумнѣйшія ухищренія, его не съумѣли поймать въ законный, волчій капканъ, и прибѣгли къ излюбленнымъ, незаконнымъ средствамъ: правительство пустило въ ходъ подлоговъ и доносчиковъ; эти два универсальныя средства не могутъ не удаться. Въ 1862 году за мнимую прокламацію къ крестьянамъ онъ былъ засаженъ въ Алексѣевскій равелинъ; въ 64 году надъ нимъ изрекли приговоръ. Чернышевскій, подкосившій свое здоровье неутомимымъ умственнымъ труженичествомъ, былъ приговоренъ къ восмилѣтней каторгѣ и вѣчному поселенію въ Сибири! У кого тлѣетъ хоть искра души, пойметъ, что вынесъ этотъ невинный мученикъ, съ громадными умственными потребностями, съ жаждой жизни и дѣятельности 16 лѣтъ захлопнутый въ своемъ каменномъ гробу! Есть нравственныя страданія до того ужасныя, что передъ ними тускнѣетъ распятіе, прокатываніе по гвоздямъ кажется отдыхомъ.

Въ 1862 году Писаревъ за невинную ненапечатанную прокламацію былъ засаженъ на 5 лѣтъ въ Петропавловскую крѣпость. Пять лѣтъ одиночнаго заключенія равны десяти годамъ каторги, самые сильные организмы кончаютъ сумашествіемъ. Когда тюремщики замѣтили полное разрушеніе его здоровья и роковые признаки разыгрывающагося сумасшествія, они выпустили его на свободу; послѣ пятилѣтняго заключенія онъ наслаждился свободой въ больницѣ. Изъ больницы онъ уѣхалъ лечиться холодными морскими купаньями и утонулъ отъ прилива крови въ голову.

Въ 1861 г. 14 декабря Михайловъ, за свое святое воззваніе къ молодому поколѣнію, былъ приговоренъ къ 6-лѣтней каторгѣ; счастливецъ! его слабый организмъ быстро зачахъ отъ убійственнаго обращенія, убійственнаго холода, тяжелыхъ цѣпей. Онъ умеръ, по мнѣнію многихъ, послѣ тѣлеснаго наказанія, но это обвиненіе до того ужасно, что мы готовы не довѣрять слухамъ и думать, что этотъ разсказъ — сказка про людоѣдовъ.

Мартьяновъ за свое пламенное сочиненіе: „Земскій царь" былъ сосланъ на каторгу; его сослали за вѣру въ царя, какъ въ освободителя. Удивительнѣйшее царствованіе! не вѣришь въ царя — вѣчная Сибирь, черезъ чуръ вѣришь въ царя—тоже вѣчная Сибирь! все измѣряется отечественнымъ градусникомъ, вѣчно стоящимъ на нолѣ.

Щаповъ, профессоръ казанскаго университета, даровитый ученый и писатель, сосланъ на поселеніе въ Иркутскъ за книгу „Земство и Расколъ." Оторванный отъ науки, живыхъ людей, самой жизни, онъ тихо угасалъ, его мощное здоровье медленно разрушалось отъ нравственныхъ мукъ, матеріальныхъ стѣсненій; онъ умеръ въ изгнаніи въ пору, когда зрѣлый мозгъ болѣе всего способенъ къ широкой, плодотворной дѣятельности.

Флеровскій, авторъ знаменитаго сочиненія: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи." Болѣе десяти лѣтъ его швыряютъ изъ одного вертепа въ другой, день и ночь его травитъ полиція; безъ средствъ, людей, вѣчно оскорбляемый, мучимый, онъ тянетъ жизнь, какъ волжскій бурлакъ свою бичеву. Тащи, мученикъ, свой собственный крестъ на плечахъ, падай подъ нимъ, обливаясь кровавымъ потомъ и помни, что правящая Россіею сволочь не любитъ горькихъ, не вызолоченныхъ пилюль! Зачѣмъ сдернулъ ты повязки съ широко раскрытыхъ ранъ своей родины? Зачѣмъ назвалъ спасителей и освободителей отечества бездушными гробокопателями?...

1866 г. П. Л. Лавровъ, авторъ „Историческихъ писемъ," сосланъ административнымъ порядкомъ; суровая доля ждала его, если бы ему не удалось бѣжать за границу.

1866 г. Н. Соколовъ за напечатаніе проникнутаго горечью и правдою сочиненія „Отщепенцы" былъ засаженъ на годъ въ крѣпость, а послѣ сосланъ на пожизненное гніеніе въ Мезень, и только бѣгство за границу спасло его отъ роковой участи.

Въ 1867 г. сосланъ на поселеніе въ Колу Альбертини ни болѣе и ни менѣе какъ за то, что онъ имѣлъ несчастіе быть даровитымъ и честнымъ писателемъ!

Кто же уцѣлѣлъ въ неровномъ бою на залитыхъ кровью поляхъ сраженія? Невинные романисты, затаившіе на днѣ души свои симпатіи; критики, рѣзвящіеся въ аллегорическомъ просторѣ и выражающіе въ него; сатирики, выше помпадуровъ не подымающіеся; лирики, около царя витающіе, но къ нему не прикасающіеся. Уцѣлѣвшая литература на военномъ положеніи живетъ вылазками; если же явится снова мощная сила, способная не къ вылазкамъ, а къ генеральнымъ сраженіямъ, то такая умственная сила неминуемо погибнетъ,—Чернышевскій и Писаревъ намъ тому порукою. Если Александръ не умретъ скоро, вся славянская раса будетъ передушена и останется въ Россіи только омерзительная татарская раса. Если будетъ такъ продолжаться холопство у Зулусовъ будетъ для насъ освобожденіемъ...

Литература идетъ старою дорожкою, съ одной стороны она выполняетъ святую миссію, съ другой ходитъ, на головѣ и четверинкахъ, въ разноцвѣтныхъ заплатахъ, захлебывается отъ усердія, безкорыстно или служа на жалованьи у III отдѣленія.

Но довольно!... я невыносимо усталъ, измучился, блуждая по этому необозримому кладбищу, на немъ похоронены протестующія силы Россіи, ея свѣтлыя, рано убитыя надежды. Когда я пишу, образы измученные, похожіе на тѣни, гремя цѣпями, встаютъ передо мной; на лицахъ многихъ, я съ холодомъ въ душѣ различаю страшную улыбку сумасшедшаго, на меня дико глядятъ смѣющіеся глаза идіотовъ; я вижу на ихъ спинахъ лиловые рубцы, темныя пятна, а вдали, въ зловѣщей темнотѣ, стоятъ все гробы и гробы...

Чувство мучительное уже давно овладѣло моею душею: я сознаю, что людей, кипучихъ и сознающихъ, мало, отпоръ до ужаса непропорціоналенъ давленію, они разбросаны по необозримой Россіи, они несутъ одиноко свои безсильныя проклятія въ могилу, изнемогаютъ подъ ношей крестной; но чуть только живая нить начинаетъ вязать разрозненныя единицы,—изъ тьмы тянется проклятая, когтистая лапа, загребаетъ ихъ и въ томъ же непроглядномъ мракѣ душитъ...*)

---

*) Размѣры журнальной статьи и недостатокъ матерьяла не позволили мнѣ войти въ подробности; я пропустилъ очень много частныхъ арестовъ и ссылокъ: кровавая монотонность событій, нескончаемый мартирологъ утомили бы читателей. Пора оцѣнить близящееся къ концу царствованіе Александра II; пусть читатель смотритъ на мою коротенькую сжатую статью, какъ на очень слабое начинаніе въ этомъ дѣлѣ.

1879 г. декабрь.

П. Алисовъ.

Genève. — *Imprimerie russe. Chemin Neuf, 13.*

